

Голос у Шэнь Хуана был настолько слабый, что после каждого сказанного слова ему приходилось делать длительную паузу, чтобы отдышаться.

Лин Син ранее пытался говорить, но не мог издать ни звука. На этот раз, ожидая, что будет то же самое, он всё же попробовал открыть рот и, к его удивлению, голос прозвучал.

— Лин Син, — ответил он.

Сказав это, он бросил взгляд на своего случайного мужа, и на мгновение сам впал в лёгкое оцепенение. В своей прошлой жизни Лин Син всегда тяготел к мужчинам, но никогда ни с кем не встречался, его дед бы такого не перенёс. А когда дед ушёл, он сам с головой погрузился в работу: съёмки, рецепты, зарабатывание денег. Он снимал в деревне, в родных местах, где просто не было возможности с кем-то познакомиться, да и времени на это не находилось.

А теперь только перешагнул в новую жизнь, и вот уже у него есть... муж.

Правда, по виду этого мужа было ясно: с ним и вправду всё очень плохо.

Вид у Шэнь Хуана был почти таким же, каким Лин Син запомнил своего деда незадолго до смерти. Лин Син вспомнил то небольшое, что знал о древности, пусть и не об этой конкретной династии, но впечатления, в целом, были схожими. А если он не справится с «брачной миссией» и не принесёт удачи? Неужели семья Шэнь возложит на него вину?

Он здесь никого не знал, в чужом теле, в чужом мире, если вдруг на него обрушатся обвинения, что тогда делать?

Лин Син не смог удержать в себе эти тревожные мысли и озвучил их вслух. Здесь ведь всё не так, как в его времени, даже при его умении сохранять спокойствие, глядя на истощённого до предела Шэнь Хуана, в душе у него поднялась настоящая паника.

Шэнь Хуан, услышав его беспокойство, тоже повернул голову и посмотрел на него. Лицо у Лин Сина было жёлтое, худое, а сейчас ещё и полно тревоги - он буквально отразил все свои мысли на лице. Шэнь Хуан же ответил ему лёгкой, едва заметной улыбкой, стараясь хоть как-то успокоить.

— Не бойся, моя семья не причинит тебе вреда.

После этих слов наступила тишина. Шэнь Хуан вновь тяжело дышал, стараясь восстановить силы. Лин Син молча ждал, не торопя, не перебивая.

Когда дыхание Шэнь Хуана немного восстановилось, он вновь медленно заговорил:

— Они и сами понимают, что мне осталось недолго. Будь то отчаяние, в которое бросаются, хватаясь за соломинку, или просто нежелание, чтобы я ушёл из жизни, так и не побывав в браке... в любом случае, винить тебя никто не станет.

Сказав это, он вновь замолк, переводя дух. Убедившись, что продолжения не последует, Лин Син наконец спросил:

— А ты откуда всё это знаешь?

Шэнь Хуан тихо усмехнулся,:

— Потому что они действительно обо мне заботятся. А ты теперь мой фулан. Если не выйдешь замуж повторно, после смерти нас похоронят в одной могиле.

Лин Син понял. Любишь дом, люби и ворона на его крыше*. Похоже, семья Шэнь и вправду очень любила Шэнь Хуана.

(ПП: идиома, означает: любя человека, любить все, что с ним связано)

Лин Син хоть и не разбирался в медицине, но даже он понимал - чтобы поддерживать человека в таком состоянии, требуется немало серебра. А при той бедности, в которой жила семья Шэнь, можно было почти с уверенностью сказать: большая часть денег уходила именно на лечение Шэнь Хуана.

Снаружи звучал гул, смех, шум - там, на свадьбе, было оживлённо и весело. На этом фоне комната казалась ещё более тихой и пустой, даже глухой. Возможно, потому что давно не говорил с незнакомыми людьми, а может, потому что и вправду стал считать Лин Сина своим фуланом, так или иначе, Шэнь Хуан говорил много, больше, чем мог бы ожидать кто-либо.

Лин Син вдыхал стойкий запах трав и внимательно слушал, как Шэнь Хуан медленно, слово за словом, рассказывал о семье Шэнь. Тот говорил с частыми паузами, но Лин Син слушал с полной серьёзностью. Если всё пойдёт без неожиданностей, ему, скорее всего, предстоит провести в семье Шэнь много времени. Согласно воспоминаниям прежнего владельца тела, у беженцев вроде него почти не было шансов обосноваться на новом месте. Официально стать жителем того или иного округа мог только мужчина, причём при условии, что он проживёт там не менее года. Женщины и геры не имели права регистрироваться как самостоятельные домохозяйки, только через брак.

А Лин Син, человек из современного мира, внезапно оказался в совершенно незнакомой династии, в чужом теле, и даже с другим биологическим устройством. У него не было ни денег, ни связей. А учитывая законы этой страны, выжить в одиночку для него было попросту невозможно.

Но если остаться в семье Шэнь, он, по крайней мере, будет жив.

Судя по тому, что рассказывал Шэнь Хуан, раньше их семья жила довольно зажиточно. Династия Юй существовала не так уж давно, возникла после смены власти. Судя по всему, в бурное время перемен семья Шэнь оказалась кому-то поперёк дороги. Их оклеветали и вынудили всей семьёй покинуть родные земли.

Шэнь Хуан с детства был слаб здоровьем. Его болезнь тянулась ещё с чрева матери, и сколько ему суждено прожить, зависело только от того, на сколько хватит семейных средств. До десяти лет болезнь удавалось сдерживать, здоровье поддерживали как могли. Но после десяти, когда из-за политических потрясений и преследований пострадал весь их род, их ветвь была вынуждена покинуть семью, спасаясь бегством. С огромным трудом они добрались до деревни Сяо Лю, где и осели. С тех пор здоровье Шэнь Хуана день ото дня только ухудшалось. Всё имущество, что удалось вывезти с собой, со временем ушло на лекарственные травы, настойки и снадобья. Дом становился всё беднее и беднее.

— Когда мы только приехали в деревню, второй брат ещё ходил в школу, — проговорил Шэнь Хуань. — У третьей сестры и четвёртого брата тогда ещё бывало, что раз в пару дней выдавалась конфета. А потом... у них не осталось ничего.

Сказав это, он тихо усмехнулся, с иронией и горечью. Он часто думал, что наверное нет на свете более никчёмного старшего брата и сына. Из-за него родители, братья и сёстры стали жить всё хуже.

Он чувствовал себя полным ничтожеством. Этого, казалось бы, и так достаточно... но нет, перед самой смертью из-за своего бесполезного тела он ещё и втянул в страдания чужого человека, заставив его войти в этот дом как супруга.

Эти слова раньше он не смел произносить. Ни с кем. Никогда.

Стоило ему хоть намекнуть на это, и в глазах близких появлялась только боль. А он не хотел причинять им лишние страдания, не хотел, чтобы они из-за него грустили, терзались, испытывали жалость. Но теперь... теперь, когда он ясно чувствовал, что ему осталось недолго, и рядом оказался Лин Син, он не мог удержать в себе всё то, что долгие годы прятал в глубине сердца.

Лин Син слушал его слова, полные вины и бессилия. В руке у него появилась слабая сила, и он с трудом поднял её, чтобы подушечками пальцев осторожно стереть слезу, скатившуюся по краю глаза Шэнь Хуана.

— Не вини себя, — тихо произнёс он. — Они отдают всё, чтобы ты жил, потому что для них твоя жизнь важнее любого серебра, важнее всего остального.

Шэнь Хуан немного растерялся, он и сам не ожидал, что ещё способен плакать. Когда эмоции

немного улеглись, он тихо сказал Лин Сину:

— Прости, что заставил тебя видеть это. Нелепо получилось.

Лин Син покачал головой:

— Это нормально. У каждого бывают эмоции. В этом нет ничего постыдного.

Услышав это, Шэнь Хуан повернул голову и внимательно посмотрел на Лин Сина. Этот гер был ужасно худ - глаза казались особенно большими, а подбородок вытянутым, заострённым. И всё же, даже в полумраке комнаты, в его взгляде горел свет, живой, ясный, чистый.

Такой светлый, тёплый человек... и оказался втянут в это всё из-за него.

— Я поговорю с отцом и матерью, — медленно сказал Шэнь Хуан. — После моей смерти они отпустят тебя на свободу.

Он чувствовал перед Лин Сином вину. Из-за него этот хороший, честный гер оказался связан с умирающим человеком, стал частью брака, от которого никто не ждал счастья. Возможно, этим поступком он лишил Лин Сина шанса на другое будущее, на настоящую любовь. Он хотел хотя бы как-то загладить свою вину. Но то, что он мог сделать, было слишком мало.

Лин Син, услышав это, не спешил сразу соглашаться. В памяти прежнего владельца тела он ясно увидел: вдовы и вдовствующие фуланы, у которых нет детей, после ухода из дома мужа, если за ними не стоит родня, особенно братья по материнской линии, через год подвергались принудительному повторному браку по решению властей.

Лин Син поёжился. У него не было родни. Люди из семьи Лин давно пропали кто куда, неизвестно, живы ли вообще. Он не хочет снова выходить замуж!

Да, он любил мужчин, но это вовсе не означало, что он готов снова и снова становиться чьим-то супругом, особенно незнакомых людей. Ещё неизвестно, кто в следующий раз попадётся, вдруг ещё хуже, чем сейчас?

— Не-не-не, брат Шэнь, — покачал он головой. — Если ты и правда хочешь мне добра, лучше уговори отца с матерью, чтобы после твоей смерти они хотя бы кормили меня.

Сказав это, Лин Син вспомнил ещё кое-что - последнюю, глубокую мысль, с которой ушёл прежний хозяин тела: найти своего младшего брата. Раз уж я занял его тело, нельзя же просто ничего не делать, подумал он и добавил:

— А ещё... помогите мне найти моего младшего брата.

Шэнь Хуан тоже понимал: династия Юй была основана совсем недавно, и после недавней войны население страны заметно поредело. Теперь, чтобы как можно быстрее увеличить рождаемость, многие законы стали несправедливо суровы по отношению к женщинам и герам. Если его не станет, семья Шэнь, наконец, сможет понемногу копить средства. И, вполне возможно, для Лин Сина остаться здесь будет действительно лучше, чем получить «свободу» и снова оказаться в ловушке закона и одиночества.

Шэнь Хуан кивнул:

— Хорошо. Я обещаю.

Он знал своих родителей, те не оставят Лин Сина в беде, не обидят.

Сегодня, как ни странно, Шэнь Хуан чувствовал себя немного бодрее обычного. Убедившись, что Лин Син хочет остаться в семье Шэнь, и после того, как пообещал выполнить его просьбы, он заговорил дальше, подробно рассказывая о домочадцах.

Родственников в этих краях у семьи Шэнь больше не было. Вся деревня Сяо Лю была большим поселением людей с разными фамилиями. Чтобы не дать соседним деревням возможности притеснять их, жители держались сплочённо, помогали друг другу и потому считались довольно дружными.

Раньше семья Шэнь жила прямо в деревне, в доме из серого кирпича. Но позже, когда деньги стали уходить на покупку лекарств для Шэнь Хуана, средств больше не осталось, и кирпичный дом пришлось продать. После этого они нашли другое место и заново построили жильё. В итоге самым подходящим оказался участок у подножия горы Аньян. Пусть и не в самой деревне, но до неё было всего около ли - рукой подать.

Стариков семьи Шэнь звали Шэнь Чэншань и Сюй Юфан. У них было трое сыновей, одна дочь и один гер. Людей в доме вроде бы немало, но по меркам деревни Сяо Лю такую семью нельзя было назвать особенно многодетной.

Старший - Шэнь Хуан, второй - Шэнь Хуэй, третья дочь по имени Шэнь Янь, четвёртый сын Шэнь Гуй, а пятый гер по имени Шэнь Лай.

Шэнь Хуэй - тот самый крепкий мужчина, что заменил Шэнь Хуана на церемонии и совершил обряд с Лин Сином, с детства был немногословным, мрачноватым. До восьми лет он обучался грамоте дома, у него даже был свой учитель боевых искусств, так что базу ему заложили крепкую. Именно благодаря этому сейчас основным источником дохода семьи Шэнь был сам Шэнь Хуэй: он ходил в горы на охоту, а также иногда подрабатывал тем, что писал письма или зачитывал их неграмотным. Помимо этого, мать семейства, Сюй Юфан, зарабатывала на продаже вышивки, а также был доход с десяти му земли, что полагались дому по наделу.

Третья дочь, Шэнь Янь, вышла замуж три года назад. Муж у неё - житель гор, живут они бедно,

но, как говорится, «горой кормятся», на голод жаловаться не приходится. В общем-то, лучшую партию семье Шэнь на тот момент и не найти было.

Четвёртый сын, Шэнь Гуй, женился год назад. Его жена - женщина по имени Цао Маньюэ, ранее была разведена, и старше Шэнь Гуя на пять лет. Семья Шэнь жила бедно до такой степени, что даже геры не спешили выходить в их семью замуж, не говоря уж о девушках. Именно потому в этом доме никто никого не упрекал, у каждого своя трудная судьба, и упрекать было не за что.

Когда Шэнь Гуй договорился о браке, сваха сказала, что Цао Маньюэ не потребовала ничего в качестве выкупа. Она пришла в дом Шэнь с двумя детьми-двойняшками: девочкой и гером. У Цао Маньюэ был ещё один ребёнок - сын, которому в этом году исполнилось пять лет. Но мальчик остался у семьи первого мужа: свёкор со свекровью не позволили забрать внука, ведь это был наследник, мальчик, а значит, принадлежал прежнему роду.

Пятый брат, Шэнь Лай, был младшим гером, ему в этом году исполнилось десять. Характер у него был не из лёгких, вспыльчивый, упрямый. Каждый день возвращался домой то с синяком, то с царапинами, из-за чего старики в доме только и вздыхали да качали головой.

Когда Лин Син только очнулся, зрение у него было размытым, он мог различать только то, что находилось совсем близко. Сейчас, слушая, как Шэнь Хуан подробно описывает родных, он с трудом пытался соотнести эти имена с теми лицами, что мелькнули перед ним, но так и не смог прочно связать в памяти Шэнь Янь с её мужем, Шэнь Гуя с Цао Маньюэ, и тем более не мог вспомнить, как выглядел Шэнь Лай.

Зато лицо Шэнь Хуэя с резкими чертами, пронизывающим взглядом и почти агрессивной привлекательностью запомнилось Лин Сину с первого раза. Такое не забудешь. Так вот почему он такой крепкий - охотник... Неудивительно, что у него руки, как у других ноги, каждая мышца будто выточена.

Лин Син и Шэнь Хуан лежали рядом, разговаривая. Точнее, говорил в основном Шэнь Хуан, а Лин Син слушал. Постепенно голос мужчины становился всё тише и тише, пока почти не превратился в едва различимый шёпот. Лин Син прислушивался к ровному, но очень слабому дыханию и всё равно не мог отделаться от беспокойства. Осторожно, почти не дыша, он протянул руку и поднёс пальцы к носу Шэнь Хуана.

Да, дышит.

Снаружи шум и веселье продолжались до самой темноты, и лишь когда небо стало совершенно чёрным, звуки наконец стихли. В комнате давно уже воцарилась крошечная тьма.

Лин Син не любил темноту. Особенно сейчас: в чужом теле, в незнакомом мире, в окружении незнакомых людей. Всё это вызывало неуют, тревогу и гнетущее чувство одиночества. Настроение заметно ухудшилось, стало тоскливо и холодно на душе.

Но он не позволил себе погрузиться в уныние. Он начал мысленно перебирать что-то хорошее - сцены, которые могли хоть немного его развеселить, напомнить, что не всё потеряно.

Хотя всё здесь было чужим и незнакомым, Лин Син напомнил себе: он ведь переродился, получил второй шанс. Такая возможность выпадает далеко не каждому. Её стоит ценить. К тому же, в прежней жизни он снимал ролики в деревне, как раз на темы, связанные с традиционным бытом: воссоздавал старинные методы приготовления, готовил разную уличную еду, национальные блюда. А ещё дед успел передать ему множество рецептов соусов и заготовок, так что, как ни крути, он был человеком с ремеслом.

Значит, Небо не бросило его с пустыми руками. Не отправило просто погибать в прошлом без всякой опоры. Лин Син подбодрил сам себя, и, почувствовав, что в жизни снова появился смысл, наконец чуть-чуть улыбнулся.

Когда тревога и тяжесть в груди немного рассеялись, он вдруг заметил, как стало холодно. Когда угас жар, неясно, но жаровня давно погасла. Последние тёплые волны стремительно рассеивались, а холод заполнял всё пространство, вползая под одежду и одеяла. Теперь он мог немного двигаться, хоть и с трудом, поэтому изо всех сил подтянул на себя не слишком толстое одеяло и старательно подоткнул его, пытаясь удержать тепло.

Холод-то какой... По воспоминаниям, деревня Сяо Лю располагалась не на самом севере. Рельеф и климат здесь были примерно такими же, как в его родной деревне в прошлой жизни. Зимы в родной деревне Лин Сина никогда не были такими лютыми. А по ощущениям сейчас будто он очутился где-то в далёком севере.

В прошлом ведь не было никакого глобального потепления... Зима здесь настоящая, древняя, такая, от которой кости ломит. Лин Сина трясло до стука зубов. Всё тело дрожало, дрожь передавалась даже на Шэнь Хуана, лежавшего рядом.

— Тебе холодно? — раздался рядом заспанный, охрипший голос.

Он полусонно потянулся и сдвинул в сторону Лин Сина свой большой, тяжёлый ватный полушубок.

— Не надо, не надо! Ты себе оставь, не давай мне, — Лин Син тут же отреагировал, почти машинально отказываясь. Он понимал: если Шэнь Хуан ещё сильнее переохладится, у него может упасть иммунитет, и тогда организм уже точно не выдержит - это будет смертельно опасно.

Шэнь Хуан тоже знал, на что способен его больной организм. Поэтому не стал отдавать всю одежду целиком, а просто подвинул её поближе и тихо сказал:

— Половина тебе, половина мне. Всё будет в порядке.

Надо сказать, когда тёплый полушубок оказался на нём, он не только ощутимо придавил тело тяжестью, но и сразу же принёс с собой волны тепла. Лин Син, почти онемевший от холода, зарылся лицом в одеяло. Всего за несколько вдохов на ткани перед его ртом выступил тёплый конденсат. Наконец-то хоть немного согрелся...

Видимо, из-за крайней усталости, сначала, пока мёрз, сна как не бывало. Но стоило телу впитать немного тепла, как веки стали тяжёлыми, и вскоре он провалился в глубокий, плотный сон.

Когда он снова открыл глаза, в тёмной комнате появился слабый, тёплый свет - в углу горела свеча, отбрасывая на стены дрожащие золотистые отблески. Лин Син тут же почувствовал, что на теле стало тяжелее. Оглядевшись, он понял: сверху его укрывает знакомый халат.

Это был халат Шэнь Хуэя. Лин Син точно узнал ткань - совсем недавно он держался за рукав этой одежды.

— Проснулся? Еда готова, будешь есть? — рядом раздался голос Шэнь Хуана. Он повернул голову и спокойно посмотрел на Лин Сина.

Лин Син пошевелил рукой и почувствовал: силы постепенно возвращаются. Вернее, не столько силы, сколько ощущение контроля над телом - он всё лучше начинал управлять этой чужой оболочкой.

— Буду, — кивнул он.

Он с трудом сполз с постели. На первый взгляд казалось, будто он даже слабее самого Шэнь Хуана.

Именно в этот момент в комнату вошёл Шэнь Хуэй, неся в руках чашку горячей лапши с бульоном. Он приподнял дверной полог и в ту же секунду заметил на краю кровати пару бледных, тонких, словно прозрачных ног.

Его брови мгновенно нахмурились. Он тут же отвёл взгляд и поспешно отвернулся.

— Мама велела мне принести еду, — бросил Шэнь Хуэй, даже не взглянув в сторону.

Он быстро поставил старую глиняную чашку на деревянный шкафчик у окна и, не оборачиваясь, почти бегом вышел из комнаты.

Лин Син, как раз собираясь надеть обувь, удивлённо оглянулся.

— Он чего это... убегает?

Шэнь Хуан тоже отвёл взгляд в сторону и спокойно ответил:

— Не обращай внимания. Иди поешь.

<http://bllate.org/book/13938/1228664>